

Саша Кибрик.

Саша, Александр Евгеньевич, профессор филологического факультета, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Умный, добрый, очень хороший Друг. Мы подружились сразу.

С Сашей Кибриком тесно связаны две очень яркие страницы моей студенческой жизни: «картошка» в начале второго курса в 1957 году и диалектологическая экспедиция в архангельскую область после второго курса, летом 1958 г.

На «картошке» мы жили весело и дружно. Девочки работали в поле, собирая картошку, мальчиков увозили каждое утро «на комбайны», картофелеуборочные машины, выворачивавшие на поверхность картошку, которую мы, девочки, и подбирали. Мальчики возвращались с таинственной мужской работы важные, с чувством мужского же достоинства, которого у них не было в учебное время: девочек было гораздо больше, и учились они лучше.

Еще одно ярчайшее и незабываемое событие моей студенческой жизни – это диалектологическая экспедиция в Архангельскую область.

Событие это тоже связано с Сашей Кибриком. Именно он сказал мне, что кафедра русского языка готовит студентов для поездки в самые глухие места в Архангельской области для того, чтобы собрать материалы, необходимые для Диалектологического атласа русского языка. Он же и записал меня на спецкурс по диалектологии, который вела Оксана Герасимовна Гецова. Я, романо-германка, не имела отношения ни к русскому языку, ни к его диалектам, ни к экспедиции, но зачет по спецкурсу сдала и меня взяли.

Без поездки в самые глухие деревни Архангельской области летом 1958 года (после второго курса) я была бы другим человеком – хуже.

Саша снял об этой нашей поездке любительский фильм (видеокамер, конечно, не было, но киноаппараты для узкой пленки были), фильм был

цветной, и там было много Турчасова и церкви. Много лет спустя мы хотели устроить вечер «ретро» на родном филологическом факультете, и Саша пожаловался, что «узкая пленка» высохла и даже страшно ее показывать: может рассыпаться. У меня был знакомый, Алеша Кашковский, который как раз работал на какой-то кинофирме, занимался реставрацией старых фильмов и взялся мне помочь. Я на радостях взяла у Саши и наш «художественный» фильм-капустник о жизни курса и факультета, снятый по нашему с ним сценарию. Сценарий был весьма незатейливый. Два веселых студента находят в нашем буфете забытый кем-то учебник латинского языка, а в нем – фотография прекрасной девушки. Они ищут ее на лекциях, в профкоме, в общежитии на Стромынке и т.п., а в финале «ботаник»-всезнайка, которому они показывают фотографию, немедленно ее опознает: «Она играла Клитемнестру в таком-то году». Юный ботаник в очках и тубетейке был, конечно, Сергей Аверинцев.

В этом фильме был смешной эпизод в общежитии: веселая компания «гуляет» за столом в одной из комнат. Фильм был «немой» и перед этим эпизодом была надпись «На широких стромынских просторах». Вдруг влетает кто-то, «кричит» что-то, и надпись: «Комиссия!» Суета, и один из гуляющих хватает ветку сирени, стоящую в вазочке, и сует ее в бутылку с водкой. Парень из Комиссии подходит к столу, берет бутылку, нюхает, вытаскивает из нее сирень, долго и жадно пьет, а потом объявляет (титром) «Вода!» Комиссия уходит, гульба продолжается.

На самом деле, Комиссии на Стромынке были очень строгие. Мой муж на младших курсах жил там в комнате, кажется, на 8 человек. По его словам, жили очень дружно, со многими товарищами по общежитию он потом поддерживал отношения. Когда к власти пришел Михаил Горбачев, Вале позвонил стромынский приятель и сказал: «Ну, ты понял, что Первой Леди страны стала Райка Титаренко, наш Председатель санкомиссии?» У «Райки» была репутация очень строгой Председательницы.

История с фильмами грустная, оба они погибли, потому что Алеша Кашковский апо рассеянности положил отреставрированный вариант в растворитель вместо закрепителя. Он позвонил мне извиниться и сказал, что отдельные кадры сохранились и он может сделать фотографии. Я была в таком шоке, горе и отчаянии, что сказала: не надо нам случайных кадров и фотографий, нам нужны были фильмы! Положив трубку, я неожиданно начала так рыдать, что мои дети прибежали в испуге узнать, что случилось и кто умер.

Я – тоже неожиданно – сказала им: умерли два огромных куска моей юности.

Всю последующую жизнь я себя проклинаю за то, что отказалась от фотографий...

Спасибо Саше Кибрику за эту экспедицию.

Саша был главным редактором нашей курсовой стенгазеты. Факультетская стенгазета «Комсомолия» была огромной, и новый выпуск собирал толпы. Курсовые были меньше по размеру и собирали, соответственно, толпы поменьше, но были очень популярны у однокурсников.

С нашей стенгазетой в бытность Саши Кибрика ее главным редактором произошло некое приключение, вполне типичное для того исторического времени. В очередном выпуске были напечатаны стихи. Они были без подписи авторов и написаны белым стихом, без рифмы. Все, что выходило за рамки традиционного, «классического» (если стихи, то должна быть рифма и четкий размер и т.п.), попадало в разряд недозволенного. Кто-то очень правый и «правильный» снял газету и отнес ее в партком факультета: «Что у вас делается?!» Особенно возмутило «правильного» человека стихотворение про несчастную жизнь бездомной собаки. Содержание его никак не вписывалось в идею счастливой советской действительности.

Начались разборки. Сашу вызывали на заседания комиссий, всяких «бюро» и выпытывали имена авторов статей и особенно стихов. Саша стоял насмерть: «Это редакционная тайна, люди мне доверились, я не могу их выдать». И не выдал. Его пугали, отстраняли, заносили в какие-то «плохие» списки. Он не сдался. Мы его жалели, уважали и им гордились. Вскоре после этого «сливки» нашего курса проходили интервью с комиссиями по отправке на стажировку за границу. Главный вопрос был: «Как ты относишься к курсовой стенгазете и поведению Саши Кибрика?» Одно слово: «Осуждаю», и ты в стране изучаемого языка и литературы. Нас было около десятка: сказала это слово и прошла только одна. Мы перестали с ней здороваться.